

ВОСПОМИНАНИЕ О НОЕВОМ КОВЧЕГЕ

Валентин Распутин получил премию Александра Солженицына

Независимая газета — 2000 — 11 мая — с. 10

«СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ» функции взяла на себя премия, учрежденная нобелевским лауреатом Александром Солженицыным. От прочих премий она отличается тем, что денежная часть ее, составляющая 25 000 долл., — из семейного бюджета писателя, точнее — из средств Русского Общественного Фонда Александра Солженицына, куда писатель пожертвовал все свои мировые гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ». Лауреатами премии в прошлые годы были ученый Владимир Топоров и поэтесса Инна Лиснянская. Третьим лауреатом стал Валентин Распутин.

На торжественной церемонии вручения премии в столичном Доме русского зарубежья собрался разнородный состав. Право, только в Судный день можно было бы увидеть Ахмадулину и Вознесенского на фоне бородатых «заединщиков», чьи литературные фамилии известны только им самим. А тут еще Кожинов и Лиснянская, Розов и Гандлевский. Из политиков — Говорухин и Лукин. Прибыл

мэр Лужков, появившийся с опозданием и потому, видимо, проявивший чудеса скромности: сел среди народа в обрамлении Юрия Любимова и Сергея Есина (последний признался корреспонденту «НГ», что за несколько минут соседского сидения с градоначальником решил некоторые «литинститутские» вопросы).

Александр Солженицын не скрывал побочного — «объединительного» — эффекта своей премии: «Культурный круг распался как бы на куски. Они (деятели культуры. — Ред.) говорят вроде русским языком, но друг друга не понимают. Может быть, наша премия поможет какому-то соединению, взаимопониманию, склеиванию...»

Речь Солженицына о творчестве Распутина сопровождалась обобщениями (впрочем, уже напечатанными в «Новом мире»): «На рубеже семидесятых и в семидесятые годы в советской литературе произошел не сразу замеченный беззвучный поворот. Без мятежа, без тени диссидентского

вызова, ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого соцреализма не было объявлено и диктовано... Эту группу стали звать «деревенщиками», а правильнее было бы их назвать «нравственниками», ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью». Человеческие качества Валентина Распутина были оценены нобелевским небожителем по высшему тарифу: «сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткая совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни».

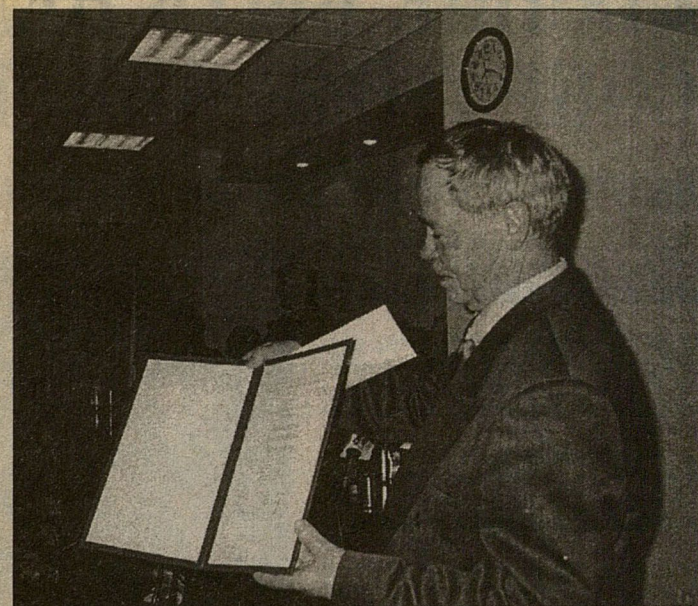
В ответном слове Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина, дважды лауреат Госпремии Валентин Распутин также показал, что жанр публицистики не чужд его дарованию. «Раскручивание» метафоры «кучка упрямыцев на льдине» ушло в традиционное «заединщицкое»

эсхатологическое эхо и вернулось маяковским «Нате!». «Что мы ищем, чего добиваемся, на что рассчитываем? Мы, кого зовут то консерваторами, то традиционалистами, то моралистами, переводя эти понятия в ряд отжившего и омертвевшего, а книги наши переводя в свидетельства минувших сентиментальных эпох. Мы, кто напоминает, должно быть, кучку упрямыцев, которые ступили на льдине, не весть как занесенной случайными ветрами в теплые воды. Мимо проходят сияющие огнями теплоходы, звучит веселая музыка, праздная публика греется под лучами океанского солнца и наслаждается свободой нравов, а эти зануды топчутся на подтаивающей льдине и продолжают талдычить о крепости устоев...»

Предчувствуя, что у собравшихся в зале хорошая память и многие помнят, как Валентин Григорьевич попеременно боролся с рок-музыкой и эротикой, заступался за общество «Память», избирался в Русский Национальный Собор, новый лауреат перевел действо на рельсы примирения, попутно польтив главному режиссеру: «Это сближение, которое в другом месте было бы невозможно, сегодня вольно или невольно произошло».

Трудно было судить о справедливости суждения, поскольку те, «кто по разным причинам находился пока еще в некотором отдалении друг от друга» (по формуле Распутина), продолжали соблюдать это «отдаление» и на фуршет. Хотя трогательная картина обнимающихся Распутина и Ахмадулиной, а также Кожинова и Немзера, вкушающих хлеб под одной крышей, право, рождало в душе чувство лепоты и воспоминание о Ноевом ковчеге. Волнение было столь высокой концентрации, что передалось окружающим. Литературовед Светлана Семенова в порывистом волнении создала ораторский симбиоз из имен учредителя премии и ее третьего лауреата: «Что сделал Александр Григорьевич!» — патетически вбросила она в публику, которая приготовилась к продолжению мичуринско-лингвистических прививок в виде «Валентин Исаевич»...

Мы провели блиц-опрос на тему «Хотели бы вы получить премию Солженицына?»: БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: Я всю жизнь преклоняюсь перед Александром Исаевичем, и его благосклонности для меня довольно. К премиям, которые мне вручали, я всегда была равнодушна. Поверьте, я была не лжива. А если бы это

Валентин Распутин с дипломом лауреата. Фото автора

было не так, люди ко мне были бы неблагодарны. Премии-то мне давали, но не об этом я хлопотала душой моей. А благосклонность Солженицына мне известна. Премии я от него не хочу. Пусть другим кому-нибудь поможет...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА: Конечно, хотелось бы получить премию Солженицына. Но никогда не получу, поэтому и в голове такое не держу. Александр Исаевич относится к тем потрясающим писателям и личностям, к которым я постоянно обращаюсь и с которыми я нахожусь в постоянном споре. Как я, находясь в полемике, могу получить эту премию?

— Если положить на весы премию Солженицына и премию Аполлона Григорьева Академии русской современной словесности, президентом которой вы являетесь, какая перетянет (денежный эквивалент вынесем за скобки)?

— А сумма одинаковая — и у Аполлона Григорьева, и у Солженицына. Я счастлива, что получают премии хорошие писатели. Это не значит, что кто-то пишет хуже, а кто-то лучше. Нельзя же оценивать цветы, которые даришь, — например, дорогой букет из роз и дешевой из подснежников. Главное — букет!

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: — Андрей Андреевич, у вас масса престижных премий. Если честно, хотелось бы получить премию Солженицына?

— Я считаю, что, если ему хочет-

ся, — пожалуйста. А вообще-то, я пришел сюда с определенной целью: мы вчера утвердили Премию Пастернака, и я пришел сюда посмотреть, как все это происходит, как устроивается.

— И как все проходит?

— Сегодня более либерально, чем обычно.

ВИКТОР РОЗОВ: Мне живется всегда хорошо, но иногда болит плоть, и немножко ежишься. Надо быть более мужественным и не писать. Специально выпросился в больнице у врача, чтобы меня отпустили на сегодняшние торжества. Надо жить! Что там валиться, как колода какая-то, на койке!.. Я был бы лицемером, если бы сказал, что не хочу получить солженицынскую премию. Но сказать: «Жажда!» — было бы с моей стороны бессовестно. Не хочу испытывать это чувство: мол, вот бы меня наградили!.. Распутина наградили замечательно!

— Виктор Сергеевич, а что если члены «солженицынского жюри» прочитают наш с вами разговор и подумают: «Почему бы нам не дать следующую премию Розову?»

— Доживет ли Розов?.. Мне и Государственную-то премию в 1967-м дали по ошибке — за инсценировку романа Гончарова. Давали кому-нибудь, когда-нибудь за инсценировку? Не давали! И не надо давать. А мне дали...

— Не возвращать же ее, Виктор Сергеевич!

— Конечно...

Александр ЩУПЛОВ

Александр Солженицын и Белла Ахмадулина.